

ОТ МЛЕКОПИТАЮЩИХ К ЧЕЛОВЕКУ

Когда предвзятое мнение так ясно сформулировано, так легко распространилось, с таким энтузиазмом воспринято и утвердилось так надолго, как это произошло в случае с Пилтдаунским человеком, выявляется тревожащая склонность науки к вере до исследований

ДЖОН РИДЕР
(Reader, 1981, 81)

В предыдущей главе было показано, что в эволюционном филогенетическом древе имеется два непреодолимых пробела: один — в его основании, там, где начинается жизнь, и другой — у вершины, между млекопитающими и человеком. Изложенные в предыдущей главе взгляды на происхождение жизни в итоге колеблются между двумя неприемлемыми крайностями: древними морями и космосом. В настоящей главе свидетельства перехода от млекопитающих к человеку изложены несколько шире, чем обычно, чтобы помочь читателю составить собственное мнение по поводу его далеких предков. Сначала, однако, мы сделаем ряд замечаний о философской подоплеке “падения” человека, а затем перейдем к обзору сведений об ископаемых людях.

Уже на заре истории, под которой мы подразумеваем самые ранние дошедшие до нас записи о деятельности и мыслях человека, существовали два антагонистических взгляда на жизнь человеческого рода на Земле. Первый из них — это вера в то, что человек был сотворен “по образу Божьему” как совершенное существо, наделенное высшими нравственными и интеллектуальными достоинствами. Но произошло “падение”, в результате которого в мир пришли болезни, страдания, войны и смерть. Грехопадение отразилось и на неодушевленном мире, став причиной общего упадка, при котором все материальное, что человек отвоевывает у земли — металлы, минералы, кирпич и камень, в конечном счете возвращается земле. Более сотни лет назад ученые признали эту общую тенденцию и сформулировали ее в виде одного из универсальных законов природы — второго закона термодинамики.

В греческой мифологии, еще в восьмом веке до н. э., Гесиод описал первозданный период невинности и совершенства. Он назы-

Скульптура Гэнри Бэйтса «Пандора», конец 1880-х годов. Не является ли Пандора из греческой мифологии Евой из Книги Бытия? (Библиотека «Метрополитен», Торонто.)

вал его Золотым веком, временем, когда человек имел доступ к самому Создателю и к Раю, в котором жил. Затем человек взбунтовался и стал «падшим» существом, после чего последовали Серебряный, Бронзовый, Героический и Железный века. Гесиод объяснял, что болезни и последовавшие страдания были результатом любопытства первой сотворенной женщины. Ее звали Пандорой (Гесиод — Hesiod, 1948; Уэст — West, 1978)¹⁻². Имена и некоторые подробности изменились, и добавились мифы, но это объяснение весьма сходно с древнееврейской версией, изложенной в начальных главах Книги Бытия, это позволяет предположить, что могла существовать единая ранняя версия, известная древнему миру (Платон — Plato, 1933, 23-24).³

Римский поэт Овидий, родившийся задолго до Христа, сохранил в своей длинной поэме «Метаморфозы» основные элементы темы Золотого века (Уоттс — Watts, 1980). Так как латынь была обиходным языком Римской Империи, а затем перешла к Римской Церкви, идея Золотого Века сохранялась в коллективном сознании на протяжении двух последующих тысячелетий, а произведения Овидия входили как обязательные в школьную программу по латинскому языку. Лишь в 1965 году латинский язык перестал быть обязательным предметом для поступления в Кембриджский университет в Англии. Таким образом, идея Золотого века и «падения» дошла до нашего времени. В дополнение к латыни тема эта была увековечена в английском языке времен короля Якова поэтом

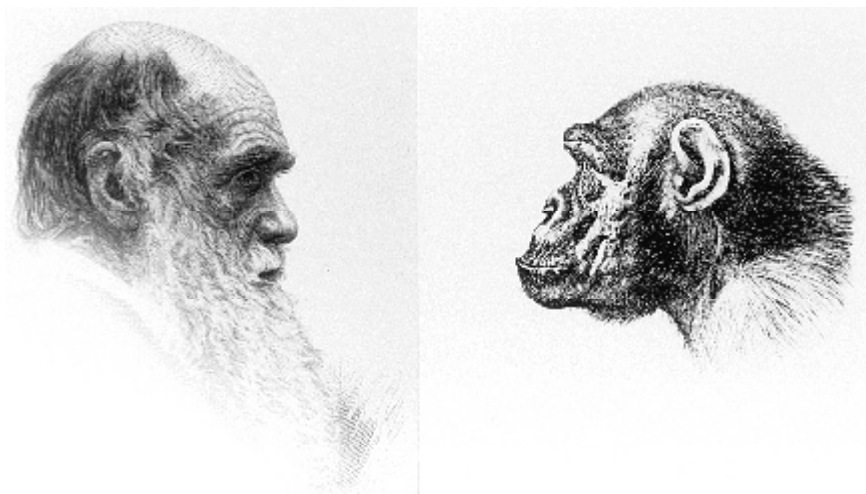
Джоном Мильтоном в “Потерянном рае”, который был обязательным чтением в школах еще в начале нашего столетия (Эберхарт — Eberhart, 1969)⁴. Наконец, рассказ о грехопадении человека прошел через всю историю сперва в рамках иудаизма, а затем через иудеохристианский мир. О нем по сей день рассказывают в церквях и синагогах, хотя со времен Дарвина этот рассказ передается с различной степенью убежденности (см. Книгу Бытия, 3).

Второй взгляд на развитие человеческого рода начался с утверждения, что “природа” выполняла свою задачу, прогрессируя от несовершенной к совершенной. В этом и состояла тема эволюции. В человеке видели конечный продукт, вначале возникший от некоей мутантной обезьяны, постепенно развивавшей разум и отходившей от своих низких и грубых начал, образуя социальные группы и одновременно вырабатывая нравственные и этические нормы поведения. Таким образом, в противоположность первым представлениям, согласно которым человек был “создан по образу Божьему”, в этих эволюционных представлениях человек теперь воспринимался “созданным по образу обезьяны”, и неудивительно, что чувства немалой части викторианцев были этим уязвлены. В соответствии с современными эволюционными взглядами, каждая живая форма совершенна — не столько в смысле иерархии совершенства, сколько в своей конкретной нише в окружающей среде. В этом смысле эволюционный взгляд описал почти полный круг обратно к библейской позиции, согласно которой каждая живая форма в совершенстве создана для своей среды обитания.

Одна из странных и, казалось бы, необъяснимых человеческих особенностей на всем протяжении человеческой истории — это детская одаренность. Вот современный пример. Майрон Романо начал учиться игре на фортепиано в шестилетнем возрасте. Пять лет спустя он был солистом Бостонского оркестра! Можно привести примеры людей, которые овладели двадцатью языками прежде, чем отпраздновали свой двадцатый день рождения, и так далее, но наука до сих пор не объяснила этих феноменов.

Если, согласно эволюционной логике, такая одаренность является предвкусением того, на что может надеяться человечество, тогда придется признать телеологию, то есть представление, что “слепой природе” заранее известно предназначение каждого вида. Дарвин не смог этого принять и поэтому не мог говорить и о “восхождении” человека. С другой стороны, если такая одаренность представляет собой регресс к тому, чем человечество было когда-то (кое-кто может усмотреть в этом откровение), то приходится допустить “грехопадение” человека и дезавуировать теорию эволюции. Ни один из этих взглядов не устраивает убежденного дарвиниста.

Как говорилось в первой главе, тему прогресса природы начали греческие философы, стремившиеся избавиться от идеи сверхъестественного вмешательства. Демокрит в четвертом и Эпикур с третьем веке до н. э. пропагандировали материалистическую философию и оказали влияние на более поздних авторов, например, на Лукреция и Горация. А через этих римских поэтов альтернативная философия “восхождения” человека отображалась в сознании средневекового школьника — он уже вступал в спор с такими авторами, как Овидий и Гесиод, писавшими о “падении”. Тем не менее вера в грехопадение была всеобщей вплоть до самого последнего периода истории, тогда как противоположная идея о “восхождении” оставалась как бы в спячке, подобно брошенному в почву семени, готовому к прорастанию и росту в свое время. Рост начался в семнадцатом столетии, когда такие люди, как Декарт и Вольтер, стали поговаривать о несостоятельности версии “падения”, но лишь в девятнадцатом веке эта оппозиция стала более сильной, достигнув апогея вскоре после опубликования “Происхождения видов” Дарвина. К 1871 году, когда Дарвин опубликовал свое “Происхождение человека” (*Descent of man*, буквально — *Нисхождение, или Падение, человека*: название в оригинале практически противоречит эволюционному содержанию книги), церковная оппозиция в значительной мере уже “выпустила пар”, и Дарвин уже мог проявить достаточную смелость, заявив печатно о том, что лишь подразумевалось в “Происхождении видов”. В “Происхождении человека” прямо утверждалось, что человек родствен обезьяне:

Одни находят между обезьяной и человеком только сходства,
другие — только различия.

Затем *Simiidae* разветвились на два рода: обезьян Нового Света [Северной и Южной Америки] и Старого Света [Африки и Индии]; от последнего в весьма давнее время произошел Человек, чудо и слава Вселенной (Darwin, 1871, 1:204).

Археология как научная дисциплина возникла в начале 1800-х годов, когда охота за окаменелостями стала приносить и свидетельства материальной культуры древнего человека. Одним из первых организованных усилий было создание по инициативе датского правительства научной комиссии для изучения древних шахтных отвалов. В результате этого квалифицированного изучения были собраны обширные коллекции, хранящиеся в Королевском музее Копенгагена, изучавшиеся для определения того, в каких слоях изначально залегал каждый образец. В восходящей последовательности слоев была выявлена общая тенденция: на самых низших уровнях находились грубые каменные орудия, выше следовали более тщательно изготовленные орудия, затем — медные и бронзовые и наконец — бронзовые и железные. В 1837 году Кристиан Томсен, директор этого музея, предложил подразделить историю человеческой культуры на Каменный, Бронзовый и Железный “века” (Данбар — Dunbar, 1960, 440). Это напоминало смены эпох согласно греческой мифологии и из года в год подтверждалось все новыми и новыми находками, а в наше время стало аксиомой из учебников и, казалось бы, неопровержимым доказательством восхождения человека из начального животного состояния. Но было по-прежнему полно людей как духовных, так и светских профессий, все еще веривших в первоначальный постулат и утверждавших, что все свидетельствует о первоначальной высокой цивилизации, сметенной с лица Земли всемирной катастрофой, за исключением горстки выживших людей. Большинство этих выживших, обладавших знаниями, но не средствами, стали бедствовать и вырождаться. Отмечалось, что археологические находки могли свидетельствовать не об открытии новых технологий, а о восстановлении утраченных ремесел. Развитые ранее цивилизации египтян и шумеров рассматривались и как свидетельства того, что некоторые из этих выживших обладали знаниями, но не располагали средствами для быстрого восстановления всего, что было им известно прежде. Тем не менее, по мере того, как век шел к концу, церковники понемногу сдавали свои позиции с обнаружением каждого нового свидетельства.

Возможно, не было более убедительных свидетельств, чем окаменевшие останки, которые специалисты считали несомненными переходными формами между обезьяной и человеком. Выступающая челюсть, низкий рост и животные анатомические черты в реконструкциях тела, да еще стеклянные глаза, тупо уставившиеся на

посетителей музеев, — видя это, кто бы мог усомниться, что человек действительно вначале, в туманном отдаленном прошлом, не пал, а поднялся на ноги?

Ископаемый человек

Предвзятые представления всегда играли существенную роль в изучении ископаемого человека. Действительно, основным предметом антропологии скорее были поиски подтверждения предвзятой теории, чем анализ фактов, на основании которых была выведена эта теория. Кроме того, как явствует из предыдущих глав, интерпретация фактов тесно связана с личными характеристиками и способностью убеждать, свойственными тому, кто предлагает свои интерпретации. Известно, как часто первоначальная трактовка нового факта свидетельствовала о предвзятости тех, кому принадлежало открытие. Таким образом, в науке обычно преобладает влияние энергичных и честолюбивых людей, и здесь также действует принцип: чем ничтожнее факт, тем более умозрительны его интерпретации, и часто, чем сильнее аргументация, тем явственнее этот принцип.

Главная трудность изучения ископаемого человека состоит в том, что подлинные окаменелости встречаются крайне редко, а когда их находят, то они настолько разрушены, деформированы и неполны, что возможны самые различные их истолкования. Таким образом, открывается широкое поле для спекуляций, которых и в самом деле было предостаточно, в частности, в отношении реконструкции мягких частей тела. Здесь-то и проходит граница между знаниями ученых и взглядами, предлагаемыми широкой публике. После того, как почти столетие на основе воображения строились самые гротескные образы, претендовавшие на то, чтобы считаться обликами наших предков, в конце концов было признано, что большинство их неверно, и теперь их просто удаляют из учебников и с музейных витрин. В этой главе кратко описаны в хронологической последовательности существенные особенности тех окаменелых останков, которые считали принадлежавшими отсутствующим звеньям перехода от млекопитающих к человеку. Следует упомянуть один технический аспект. Современная эволюционная теория утверждает, что обезьяны и человек происходят от общего предка. Технически некорректно говорить о переходах между обезьяной и человеком или даже об “обезьяночеловеке”. Однако поскольку, очевидно, нет четкого общего мнения о том, каким был этот предок, и поскольку все результаты сравнительных исследований в настоящее время излагаются применительно к обезьянам, в этой главе и далее будет использоваться традиционное представление о переходе к человеку от обезьяны.

Ричард Оуэн (1804—1892) — блестящий анатом, основатель и первый директор Британского музея естественной истории, выступивший против Дарвина с научно обоснованных позиций. Мемориальная скульптура Дарвина была установлена вскоре после смерти Оуэна в 1892 г. (Гравюра Д. Дж. Паунда с фотографии Уоткинса; Библиотека Конгресса, Вашингтон.)

Неандертальский человек

В Германии, в известняковой скале, вознесшейся над рекой Дюссель, каменотесы обнаружили пещеру, в полу которой был прогребен скелет. После их работы уцелели только свод черепа и несколько костей конечностей, но именно так была открыта группа костей, месту обнаружения которых — долине Неандерталь близ города Дюссельдорфа — было суждено дать широко известное название первому из ряда знаменитых “отсутствующих звеньев”. Шел 1857 год (Гексли — Huxley, 1901, 7:168; Лайель — Lyell, 1914, 58). За год до этого профессор Ричард Оуэн, крупный английский анатом, обратился в Королевский институт Великобритании с результатами исследований в области сравнительной анатомии человека и обезьян и указал на значительные различия, которые, как он заявил, исключают связь человека с обезьянами. В то время в кулуарах науки очень немногие открыто говорили о родстве человека с обезьянами, хотя это молчаливо предполагалось в лайелевской геологии. Оуэн ясно увидел, куда это может привести, и выступил против теории Лайеля, как позднее он выступил и против теории Дарвина. В своем обращении Оуэн (Owen, 1855) указал на выступающие надглазничные выпуклости, или надбровные дуги, как на основные характерные отличия обезьян. По удивительному совпадению, через несколько месяцев после этого в долине Неандерталь был найден свод черепа, человеческого по всем признакам, за исключением громадных надбровных дуг.

Рудольф Вирхов (1821—1902), признанный как один из великих немецких ученых. Заложил фундамент современной патанатомии.

Спор по поводу останков неандертальца фактически начался только в 1859 году, после опубликования “Происхождения видов” Дарвина. Дарвинисты искали подтверждения своей теории, а что лучше, чем переход от обезьяны к человеку, могло служить убедительным доказательством эволюции? Именно поэтому находка столь привлекла всеобщее внимание.

В противоположный лагерь входили те, кто придерживался мнения, что это не что иное, как останки человека, череп которого претерпел патологическую деформацию. Такая точка зрения была высказана несколькими медицинскими авторитетами, а в 1872 году кости неандертальца изучил крупнейший патологоанатом того времени Рудольф Вирхов. Согласно его выводам, это были кости индивидуума среднего возраста, отличавшегося по внешнему виду от нормального *Homo sapiens* только рядом “патологических изменений”, привнесенных такими деформирующими заболеваниями, как рахит или артрит. Вирхов обратил внимание на искривление бедренной кости, что говорит о рахите (Оттэуэй — Ottaway, 1973). Это свидетельство укрепило существовавшее как тогда, так и ныне мнение, что неандертальский человек был способен к высокой социальной организации; в противном случае найденному индивидууму было бы нелегко дожить до среднего возраста (Эллегард — Ellegard, 1958, 303; Валлуа — Vallois, 1962, 214)⁵.

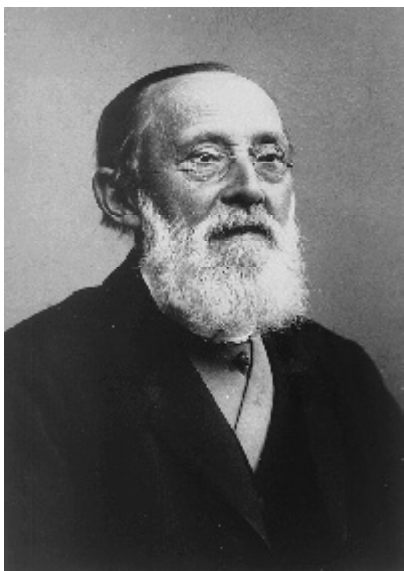
В течение последующих десятилетий, главным образом в Европе, а также в Африке и Азии, были найдены еще более шестидесяти особей. Для всех характерны тяжелые надбровные дуги, низкий лоб,

мощная нижняя челюсть, но не подбородок, и кривые, но массивные кости нижних конечностей. Диагноз Вирхова поставили под сомнение. Одна патологическая деформация еще послужила бы объяснением, но не шестьдесят!

Научное сообщество признало останки неандертальца подлинными, придав им статус человека и классифицировав их как *Homo antiquus*. Впоследствии это наименование заменили на *Homo neanderthalensis*. Однако пресса той поры называла эти останки неандертальским человеком, и это название закрепилось в массовом сознании.

В 1908 году скелет неандертальца обнаружили во Франции, в Ла-Шапель-о-Сен. Профессор Марселен Буль из Института палеонтологии человека в Париже на основании проведенного им исследования костей описал, как неандертальский человек должен был выглядеть в жизни (Буль и Валлуа — Boule and Vallois, 1957)⁶. Буль был убежденным дарвинистом, и его описание сводилось к мысли, что найденный скелет есть свидетельство перехода от обезьяны к человеку. Исходя из этого, он обрисовал некое воображаемое существо: полуобезьяну-получеловека с выдвинутой вперед головой и слегка подогнутыми коленями. Впоследствии многочисленные изображения в виде рисунков и картин показывали это существо голым и волосатым, сидящим в пещере. Следует отметить, что имелись только кости; все остальное воспроизводилось с помощью умозрительных предвзятых представлений. Насколько нам известно, неандертальский человек, возможно, носил одежду и жил в домах.

В отличие от первого неандертальца, от которого был найден только свод черепа, череп из Ла-Шапель-о-Сен был почти полным. Измерение его объема, проведенное Булем, дало неожиданную цифру — 1600 кубических сантиметров, что значительно превышает объем черепа среднего современного человека. В то время это обстоятельство полностью проигнорировали, так как оно не вписывалось в предвзятое представление о древнем человеке. По мере обнаружения новых черепов неандертальского типа установили, что в среднем все они были несколько больше, чем у современного человека. Встал достаточно щекотливый вопрос: если объем черепа действительно является мерой интеллекта, тогда старая идея о “падении” человека с какого-то высокоинтеллектуального начального уровня оказывалась близкой к правде. Однако такой подход был еретическим для начинавшей серьезно укрепляться в то время новой философии, и следовало найти более рациональное объяснение. К настоящему времени наилучшим объяснением расы древних людей с более крупными головами, чем у современного человека, является то, что следует учитывать качество, а не количество мозга, хотя, разу-

На этой редкой фотографии, выполненной Шаарвахтером, Рудольфу Вирхову около восьмидесяти лет. После чрезвычайно успешной карьеры в области медицины, в которой Вирхов, по видимому, оказался прав в вопросе об останках неандертальца, он — уже не столь успешно — занялся общественными науками. (Медицинская академия, Торонто.)

меется, при наличии лишь остатков скелетов это предположение признано недоказуемым.

Таким образом, предвзятое мнение горстки людей, провозгласившееся на фоне молчания замкнутого круга профессионалов, прочно закрепилась в сознании широкой публики. Если же только картинка удостоилась тысяч слов, насколько ценнее будет реконструкция в полный рост? Наиболее известным примером является основанная на трактовке Буля и выполненная Блашке сцена в пещере, изображающая неандертальскую семью в натуральную величину. В 1920-е годы эта работа стала обязательным экспонатом самого популярного выставочного зала Полевого музея естественной истории в Чикаго. Во второй половине столетия во всевозможных учебниках и энциклопедиях воспроизводились обитатели этой пещеры для тех, кто не мог побывать в чикагском музее. Подобные экспонаты появлялись в каждом крупном музее.

Почти через пятьдесят лет после обнаружения образца неандертальца в Ла-Шапель-о-Сен анатом Строс из Университета Джона Хопкинса и Кэйв из Медицинского колледжа Госпиталя св. Варфоломея вновь изучили эти кости и в 1957 году отвергли описание Буля (Straus and Cave, 1957). Буль ошибочно посчитал большой палец правой ноги хватательным, что характерно для обезьян. Скелет таза также не совсем схож с обезьяньим, как то утверждалось. Кроме того, этот индивид страдал сильным артритом, поразившим позвонки и челюсть. В конце концов выяснилось, что Вирхов был прав, и в 1960-е годы сложился новый взгляд на неандертальца. Стало ясно, что это был подлинный человек, ходивший выпрямив-

шись, как любой из нас (Брэйс — Врасе, 1979, 21)⁷. Постепенно появились новые реконструкции, в частности, в чикагском Полевом музее в виде созданной Крстолихом диорамы в натуральную величину. Однако, как ни странно, ей нашлось место лишь в подвале, тогда как первоначальный экспонат, отражающий неправильную трактовку, оставался в главном выставочном зале и не сопровождался ни словом объяснения в течение трех четвертей века, равно как и в день, когда автор начинал писать настоящую главу.

Может возникнуть вопрос: если неандерталец был подлинным человеком, то почему у всех образцов имелись патологические деформации, подобные описанным Вирховым? Медицинский эксперт Айвенхоу (Ivanhoe, 1970), изучив многие из этих скелетов, сделал вывод, что все эти индивидуумы, как взрослые, так и дети, страдали недостатком витамина D, а это вызывает остеомаляцию и рахит и увеличивает размеры глазниц, особенно в вертикальном направлении. Обычно считают, что нехватка витамина D объясняется недостатком солнечного света, и в этом причина того, что неандертальца всегда соотносят с ледниковой эпохой. Однако редко упоминается, что факт выживания этих людей вообще, и детей в особенности, указывает на то, что неандертальцам было свойственно высокое чувство нравственного долга и высокая степень социальной организации. Райт (Wright, 1971), тоже специалист в медицине, признает работу Айвенхоу и предполагает, что врожденный сифилис также мог вызвать такую деформацию костей, какая обнаружена в неандертальских образцах. В вопросе о странной форме черепа неандер-

Женщина племени мунда из Чота-Наппур-Хиллз (Индия). Тяжелые надглазничные выступы (надбровные дуги), характерные для черепов неандертальцев, не обязательно означают, что все они выглядели уродливыми или “примитивными”. (Кун — Сооп, 1965; поместье Каратона С. Куна.)

тальцев интересны наблюдения Израэла (Israel, 1973). Они показывают, что у некоторых современных индивидов с достижением преклонного возраста развиваются неандертальские черты — тяжелые надбровные дуги, удлинённый свод черепа и т. д. Это говорит о том, что период жизни раннего человека, возможно, был не менее, а даже более продолжительным, чем у нас сегодня, хотя ранее предполагалось обратное.

В наши дни термин “обезьяночеловек”, подразумевающий переход от животного предка к современному человеку (*Homo sapiens*), считается газетным штампом. Однако сообщество антропологов все еще колеблется в оценке того, где кончается один вид и начинается другой. В некоторой степени выход найден: введена концепция подвида. Поскольку эксперименты по размножению с окаменелостями невозможны, эта классификация основывается на семантике. Теперь неандертальского человека называют *Homo sapiens neanderthalensis*. Таким образом, данная окаменелость может представлять собой либо подлинного человека, либо истинного неандертальца — в зависимости от научной школы, к которой принадлежит тот, кто пользуется термином. Один известный антрополог заявил, что строение костей неандертальцев, как и современного человека, сильно варьирует и их следует рассматривать как варианты *Homo sapiens* (Бьюттнер-Януш — Buettner-Janusch, 1973, 253, 259)⁸. В итоге напрашивается вывод, что неандертальский человек — истинный человек. Например, известно, что он хоронил своих мертвых в соответствии с религиозным ритуалом, а это явное доказательство, что он был подлинным человеком.

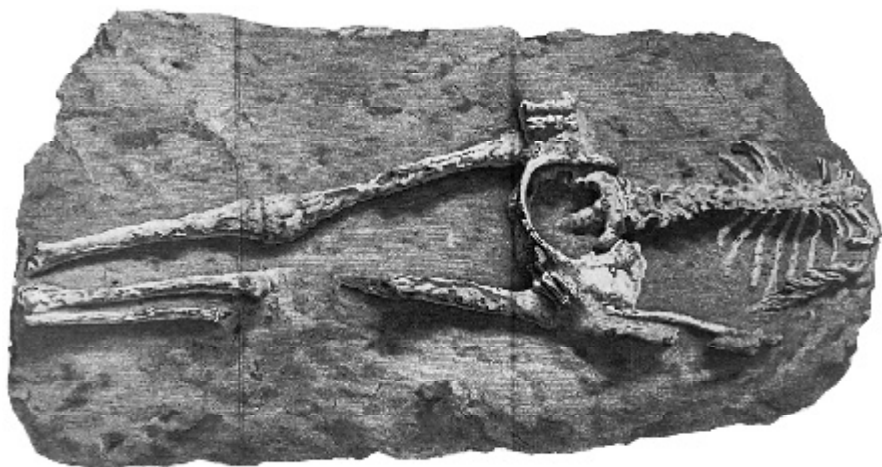
Говорят, что неандертальский человек жил в период, отстоящий от нашего времени в интервале от 35 000 до 70 000 лет, но эти цифры широко варьируются в зависимости от того, кто на них ссылается, и в значительной мере основаны на необходимости подогнать их под общую теорию эволюции человека (Ivanhoe, 1970). Этот вопрос всегда оставался спорным и обострялся еще более при открытии иных окаменелостей — например, в Гэлли-Хилле (1894), в Сванскомбе (1935), в Фонтешеваде (1947) и в Вертешсёлёше (1965). Эти окаменелости были идентифицированы как неандертальские, но в каждом случае находка состояла всего лишь из части черепа. Ситуация усложнилась открытием в Польше могилы, в которой был обнаружен скелет типичного неандертальца, одетый в кольчугу (“Неандерталец в латах” — “Neanderthal in armor”, 1908)⁹. Наконец, особой проблемой может показаться живой экземпляр неандертальца с массивной нижней челюстью, скошенным подбородком, тяжелыми надбровными дугами, мелким телосложением и коротким бедром, обнаруженный на Филиппинских островах, о ко-

тором сообщалось в начале нашего столетия (“Живой неандертальский человек” — “Living Neanderthal man”, 1910)¹⁰.

Вопреки всем картинам в популярных книжках, изображающим неандертальца в виде грубого жителя пещер, факты говорят о том, что он был подлинным человеческим существом, проявлявшим заботу о сородичах, но, возможно, жившим в бедности, страдая рахитом и остеомалацией. Среди неандертальцев могло быть неразборчивое половое сожительство, приводившее в широкому распространению сифилиса. Располагая такой точкой зрения, мы получаем большую возможность примирить факты с библейским рассказом о раннем человеке, навлекшем на себя Божью кару.

Дама из Гваделупы

Прежде чем перейти к более знакомому нам кроманьонскому человеку, уместно вспомнить о женщине из Гваделупы. Об этой находке, подлинность которой была вполне установлена, широко сообщалось в научных журналах того времени, и в течение более чем полувека она была выставлена в экспозиции Британского музея (Кониг — Konig, 1814). Открытие было сделано в 1812 году на побережье принадлежавшего Франции карибского острова Гваделупа. Находка представляла собой полный, за исключением ступней и головы, скелет, во всех отношениях человеческий. Скелет идентифицировали как принадлежавший здоровой женщине ростом около 160 см. Важно и то, что хотя многие из костей были вывернуты, а суставы разъединены, скелет полностью сохранял конфигурацию — каждая кость была на своем месте. Именно эта жизненно важная особенность и является причиной того, что этот скелет в настоящее время не фигурирует в музейных экспозициях и не упоминается даже в современных учебниках. Известняк, в котором был обнаружен скелет, был чрезвычайно твердым и представлял собой часть пласта длиной больше километра; его возраст, установленный современным методом геологического датирования, — 28 миллионов лет. Для эволюционной теории весьма трудную задачу представляет объяснение этой находки, так как она — неопровержимое свидетельство совершенно современного человеческого существа, жившего на Земле, вероятно, за 25 миллионов лет до того, как, согласно принятой версии, человек слез с дерева в джунглях (более подробно об этой датировке — в следующих двух главах). Согласно Дарвину, предполагалось, что человек произошел от обезьян Старого Света в Африке и человек, выглядевший по-современному, мигрировал в Америку всего лишь каких-нибудь двадцать тысяч лет назад. Небезынтересно отметить, что два черепа, похожие на неандертальские, были найдены близ Санта-Барбары в Калифорнии, о чем сообщалось в 1923

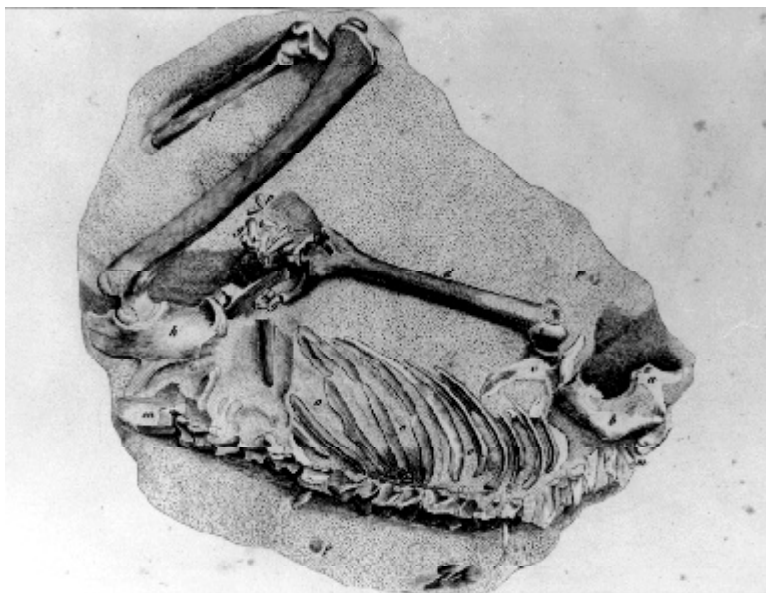

Женщина из Гваделупы, обнаруженная в миоценовом известняке, полностью описана Конигом и представлена этой иллюстрацией в престижных “Трудах по философии Королевского общества”, Лондон, 1914. (Научно-медицинская библиотека Университета Торонто.)

году. Но поскольку приписываемая неандертальцам датировка не вписывается в теорию недавней миграции в Америку, их идентифицировали не как неандертальские, а как принадлежавшие современным индейцам с признаками неандертальцев (“Древние черепа, найденные близ Санта-Барбары” — “Ancient skulls discovered near Santa Barbara”, 1923).

“Череп калаверас”. “Калаверас” на испанском языке мексиканцев означает “черепа”. Связанные с ним каменная утварь и другие артефакты человека находятся в музее Калифорнийского университета (коллекция Воя), но никогда не выставлялись для всеобщего обозрения. (Литография П.Роттера; Научно-медицинская библиотека Университета Торонто.)

Этот французский экземпляр человеческого скелета также был найден в миоценовом известняке Гваделупы примерно в то же самое время, что и британский экземпляр (1812). Эту прекрасную гравюру вместе с описанием Кювье включил в свои “Исследования” 1812 г. Следует отметить, что, хотя кости сломаны, они лежат на своих местах. (Научно-медицинская библиотека Университета Торонто.)

Когда человеческие останки обнаруживают в геологических слоях, образовавшихся, как считается, за миллионы лет до появления человека, их часто объясняют как “интрузивное захоронение”, происшедшее либо по естественным причинам, либо в результате сознательной деятельности современного человека. Классическим примером является череп “Калаверас”, открытый в 1866 году на глубине 130 футов в золотоносных песках Сьерра-Невады в штате Калифорния. Этот череп, почти полностью минерализованный, был идентифицирован врачом как современный тип, а руководителем Калифорнийского горного надзора Дж. Д. Уитни — как обнаруженный в плиоценовом пласте, то есть, как просуществовавший более двух миллионов лет. В своем обширном сообщении Уитни (Whitney, 1880) перечисляет десятки каменных ступок, различных посуды и прочих совершенно явных признаков деятельности человека, которые в течение ряда лет были обнаружены в тех же самых золотоносных песках¹¹. Уитни верил в эволюцию, и его, разумеется, нельзя упрекнуть в некомпетентности. И все же это свидетельство вызвало смятение у приверженцев теории недавней миграции человека в Америку. Кроме того, нынешний внешний вид этого черепа не со-

гласуется с его предполагаемым возрастом, а также со степенью его минерализации. Как и следовало ожидать, возникли споры. Удивляет то, что к ним подключилась религиозная пресса, которая объявила, что череп “Калаверас” есть не что иное, как мистификация. Утверждалось, что череп был вымыт из местного индейского кладбища и сознательно упрятан в золотоносные пески, чтобы обмануть и дискредитировать Уитни, который “свихнулся на антибиблействе и геологии” (Whitney, 1880, 270). До настоящего времени это объяснение оставалось достаточно удовлетворительным. Сравнительно недавно, в 1977 году, оно было повторено Кином (Keen, 1977)¹². Сообщение Уитни теперь погребено в библиотечных архивах, и при обсуждении проблемы черепа “Калаверас” ни слова не говорится о каменных ступках. Когда отсутствует подозрение в сознательном захоронении, можно попытаться дать другое объяснение. Выдвигается, например, довод о том, что человеческие останки, находящиеся в верхних пластах, могут попадать на более низкий уровень и вновь погребаться во время геологических возмущений, вызываемых, например, землетрясениями. Оба эти объяснения приемлемы при обнаружении отдельных костей, но не многочисленных каменных ступок, и вовсе несопоставимы с гваделупской находкой, каждая кость которой находилась на своем месте и составляла одно целое с миоценовым известняком.

Когда двухтонный блок известняка со скелетом выставили в экспозиции Британского музея в Блумсбери в 1812 году, он был воспринят как подтверждение Всемирного Потопа и напоминание о Божьей каре, постигшей людей в прошлом. После Лайеля и его претензии в отношении миллионов лет прошло два десятилетия, тогда как до Дарвина и его теории оставалось более полувека. С открытием в 1881 году Британского музея естественной истории в Саут-Кенсингтоне этот экспонат перенесли туда и в то же время сочли уместным оставить его в подвалах нового музея. Сто лет спустя его обнаружил и сфотографировал Билл Купер, один из представителей нового поколения археологов, лишённого предвзятостей формального преподавания этой науки и свободного в изучении данных, о которых сообщалось в то время, когда у людей было больше возможностей публиковать свои открытия.

Кроманьонский человек

Название “кроманьон” происходит от пещеры, открытой в 1868 году в Лез-Эйзи, неподалеку от реки Дордонь (Франция), и на местном диалекте означает “большая дыра”. Был обнаружен целый ряд этих скелетов, главным образом в Европе, и многие из них были целыми. Несмотря на это, их всегда относили к “пещерным лю-

дям”, а не к переходу от обезьяны к человеку. Цель включения их в настоящий список “отсутствующих звеньев” — стремление развенчать популярный, но ошибочный образ раннего предка человека как только пещерного существа, жившего в нищете и невежестве.

По всей вероятности, кроманьонцы — люди благородного происхождения; рост некоторых из них достигал 1,8 метра, объем черепа — несколько больше, чем у современного человека; тяжелые надбровные дуги и искривленные кости конечностей у этих экспонатов отсутствовали. Примечательно, что кроманьонский человек появляется в “летописи окаменелостей” внезапно и в совершенно законченном виде. То есть, в анатомическом смысле, это подлинный человек, искусный в нескольких видах искусства, о чем свидетельствуют ставшие теперь знаменитыми пещерные рисунки, открытые в Альтамире (Испания) и в Ласко (Франция). Обнаруженные рисунки показывают, насколько взгляд людей на своих предков трансформировался от идеи “падения” человека к идее его восхождения. В 1879 году Марселино де Саутуоло открыл пещеру в Альтамире. Ни один из авторитетов того времени не согласился с тем, что рисунки действительно древние. Через девять лет Марселино де Саутуоло так и умер, всеми осмеянный (Шиллер — Schiller, 1971). Пещеру у Ласко обнаружили в 1940 году, и тогда же было признано, что рисунки подлинные. Туда открыли доступ публике. Однако потребовалось еще несколько десятилетий манипулирования временными оценками, прежде чем менталитет науки смог усвоить, что разумный и искусный человек — явно современник таких доисторических животных, как, например, покрытые шерстью млекопитающие, прекрасно изображенные на стенах пещер. Фотографии, обычно фигурирующие в начальных главах книг по истории искусств, не могут воссоздать эту удивительную живопись, потому что на самом деле эти изображения были трехмерными. Художник умело использовал естественную конфигурацию стен и потолков пещер для подчеркивания выпуклости живота или глубли-

Пещерные изображения мамонтов, подобные этим, были открыты в Ле-Камбарелль (Франция). Очевидно, человек разумный был современником мамонтов. Эти изображения — одна из основных причин, по которым мамонтов относят к сравнительно недавней в эволюционном масштабе эпохе. (Кеннет Сент-Онж.)

ны глаз каждой из раскрашенных фигур. В 1972 году А.Маршак описал массу свидетельств тому, что кроманьонцы были не только искусными художниками, но и хорошо разбирались в движениях небесных тел, ежедневно вели записи положения Луны (Marshack, 1972). Встает вопрос: не являлись ли кроманьонцы авторами, если не строителями, тех десятков разбросанных по всей Европе каменных мегалитов, самые известные из которых находятся в Стоунхендже (Англия) и Карнаке (Франция)? (Том, 1971)¹³.

Большинство кроманьонских находок было обнаружено в пещерах. Это не означает, что все кроманьонцы жили в пещерах. Скорее всего, там просто сохранились эти предметы и изображе-

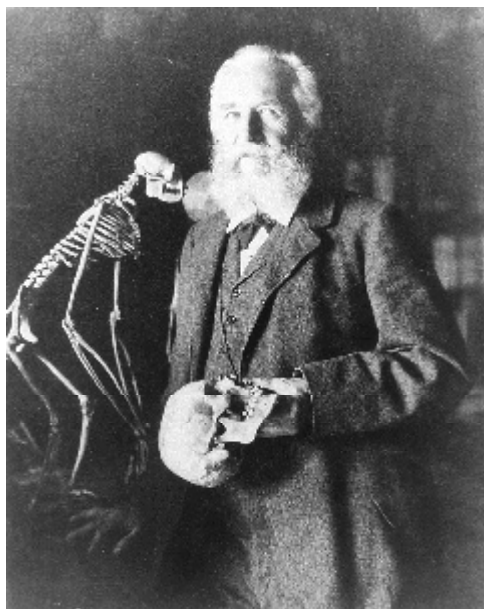

Пещерное изображение женщины с ребенком, открытое в Минатеде (Испания) и признанное подлинным в 1920 году А. Брёем. Даже этот лишенный подробностей рисунок опровергает обычный образ “примитивного пещерного человека”. (По Брёю; Библиотека Конгресса, Вашингтон.)

ния. Имеются данные, что эти люди не обязательно носили шкуры животных, обертывая ими тела, как обычно изображается в книгах, а кроили одежду, делали прически. Любопытно, что в одной из публикаций помещено изображение, вероятно, матери с дочерью, одетых в платья и со связанными в пучок волосами (Придо — Prideaux, 1973, 151)¹⁴.

Продолжается бурный период в науке об истории древнего мира, когда многие из прежних предвзятых представлений о пещерных людях уступают место совершенно иным взглядам. Признается, что наши ранние предки были разумными существами, жили общинами в построенных жилищах и, возможно, использовали пещеры лишь в ритуальных целях.

Эрнст Геккель (1834—1919) позирует фотографу со скелетом гиббона. Геккель воспламенял воображение своих студентов перспективой открытия в южнокитайских морях недостающего звена в эволюционной цепочке обезьяна — человек. (Национальная медицинская библиотека, Бетесда.)

Яванский человек

Это недостающее звено является продуктом воображения Эжена Дюбуа: классический случай поиска свидетельства в поддержку предвзятой идеи. Однажды найдя такое свидетельство, весьма сомнительное, он посвятил остаток жизни служению этой идее.

Дюбуа родился в Голландии в католической семье в 1858 году. В девятнадцать лет поступил в университет г. Йена на медицинский факультет. Значительную часть из семи студенческих лет провел под руководством профессора Эрнста Геккеля, знакомого нам по предыдущей главе. В этот период, особенно повлиявший на его жизнь, Дюбуа стал убежденным дарвинистом. Его мышление сформировалось под влиянием идеи о необходимости поиска недостающих свидетельств переходной формы от обезьяны к человеку. В это решающее для последователей Дарвина время фактически не было ископаемых свидетельств, и в споре между академической наукой и проповедниками признавалось, что это одно из слабых мест теории Дарвина. Упор делали на останки неандертальца, но они слишком напоминали останки человека, чтобы быть убедительными, и богатое воображение Геккеля породило недостающее свидетельство в виде наименования и изображения на бумаге. Геккель считал, что у человека и обезьяны такое анатомическое сходство, что единственным реальным различием является способность человека говорить. Такая точка зрения полностью отличается от мнения выдающегося

Эжен Дюбуа (1858—1940). На фотографии 1883 г. — молодой врач, которому еще только предстоит медицинская карьера. Однако, охваченный идеей найти обезьяночеловека, описанного Геккелем, он отказался от использования своего медицинского таланта и в конечном счете — от всех радостей жизни. (Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

анатома той поры Ричарда Оуэна и многих ученых наших дней. Тем не менее Геккель назвал недостающее звено *Pithecanthropus alulus*, что означает “обезьяночеловек бессловесный”. Он же поручил художнику Габриэлю Максу изобразить это воображаемое существо. На рисунке, воспроизведенном во многих книгах, — сидящая со скрещенными ногами женщина, кормящая грудью ребенка, тогда как ее пузатый самец с нависшими бровями стоит рядом, полуотвернувшись; у обоих лишенные всякого выражения лица без проблеска интеллекта (Уэндт — Wendt, 1972, 83). При столь заразительном энтузиазме Геккеля, когда тот сообщал подробности, где можно найти останки подобного существа, молодой человек не мог не разделять его убеждения. Разумеется, призрак славы и возможного богатства сделал из него целеустремленного искателя сокровищ.

Дюбуа окончил университет, получил хорошую должность с перспективой успешной медицинской карьеры, но отказался от этого в пользу решения отыскать напрогноченное Геккелем в морях Южного Китая. В 1887 году он подписал двухлетний контракт с медицинской службой в Голландской Ист-Индии, преследуя цель все свободное время посвятить поиску окаменелостей на Суматре и других островах. Дюбуа не потребовалось много времени, чтобы убедить начальство освободить его от дел ради этих поисков. Для помощи в раскопках ему отряжали иногда до пятидесяти солдат. В итоге было найдено очень много окаменелостей: свыше четырехсот

корзин с тысячами останков животных отправили морем в Голландию. Что-либо, хотя бы отдаленно напоминавшее человеческие останки, попадалось чрезвычайно редко.

Начав на Суматре, Дюбуа вскоре продолжил поиски на острове Ява, где получил из рук своего друга Ван Риетсхотена череп человека, обнаруженный в Ваджаке, в яванских джунглях. Прибыв в Ваджак в 1889 году, он нашел второй человеческий череп в слое, который позднее назвал третичной породой. Наконец, он отправился за шестьдесят миль в Тринил, что на излучине реки Соло-Ривер, где ранее было обнаружено некоторое количество костей животных. Его помощники перевернули на речном берегу свыше 10 000 кубометров земли, но единственной наградой за всю работу стали зуб, найденный в сентябре 1891 года, свод черепа, найденный в октябре, бедренная кость — в августе следующего года и еще один зуб — в октябре. По-видимому, сам Дюбуа не присутствовал при обнаружении находок, сведения об их точном расположении относительно друг друга меняются от одного сообщения к другому. Согласовали, что свод черепа был найден примерно в пятнадцати метрах от бедренной кости, а зубы — в трех метрах от свода черепа (Баудэн — Bowden, 1977, 124).

Дюбуа легко признал, что бедренная кость принадлежала прямоходящему существу. После некоторого размышления он убедил себя в том, что все отдельные кости принадлежали той же особи и что это действительно то самое долгожданное недостающее звено. Он назвал его *Anthropopithecus erectus*, что означает “человекобезьяна прямостоящая”. Однако, поразмыслив еще, признал, что свидетельство это скудно, и поскольку бедренная кость выглядела совершенно как человеческая, он в конце концов назвал это существо *Pithecanthropus erectus*, что означает “безьяночеловек прямоходящий”. Таким образом, переход этот был несколько сдвинут в сторону истинного человека. Это предположение он выдвинул в 1893 году, и в отсутствие каких-либо других данных эта идея превратилась для него в символ веры на всю оставшуюся жизнь. Возвратившись из восьмилетней командировки, он посвятил себя лекциям с целью продемонстрировать долгожданную находку научному сообществу. Париж, Лондон, Дублин, Лейден — всюду люди проявляли большой интерес, но обычно оставались неуверенными в его интерпретации, скептически относились к заявлению о том, что все эти кости принадлежат одной и той же особи. Дюбуа добился сомнительной славы, был в основном не принят наукой, полностью отвергнут церковью и, разумеется, не приобрел никакого состояния. Он чувствовал себя одиноким среди массы неверящих, а воображаемое им самим преследование лишь усиливало его веру. Став раздражи-

тельным, он замкнулся в себе, никогда больше не возвращался ни к медицине, ни к поиску окаменелостей и никому не показывал драгоценные кости. В 1898 году он получил должность ассистента профессора кристаллографии в Амстердамском университете с заработком намного меньше того, который он имел десятью годами раньше. сразу по окончании университета. Все это служит печальной иллюстрацией того, что происходит, когда преданность какой-либо идее захватывает человека.

В 1907 году группа ученых под руководством профессора Селенки из Берлинской академии естественных наук предприняла первоклассную экспедицию на Яву для подтверждения работы Дюбуа. Дюбуа отказался сотрудничать с ними и даже не показал им свои драгоценные находки. Экспедиция Селенки была проведена с присутствием немцам тщательностью. После удаления 10 000 кубометров отложений они собрали сорок три ящика окаменелостей с того же участка Тринил и заявили, что экспедиция оказалась безрезультатной. Ученые не нашли ничего, похожего на человеческие останки, которые подтвердили бы сообщение Дюбуа (Кейт — Keith, 1911)¹⁵. Небезынтересно отметить, что немцы достигли того же уровня, что и Дюбуа, обнаружив при этом, что главный слой, несущий окаменелости, является последствием крупного лавового потока от близлежащего вулкана. Это сводило на нет принятую идентификацию возраста по геологическим слоям, и хотя в учебниках яванскому человеку приписывается возраст 500 000 лет, факты говорят о том, что любая датировка в данном случае является не более, чем догадкой. Открытые Дюбуа окаменелости надежно заперты в сейфе Лейденского музея естественной истории, никогда не исследовались методом радиометрического датирования, и маловероятно, чтобы это было разрешено. В конце концов, несмотря на то, что радиометрические методы весьма сомнительны, лучше оставаться в ореоле славы, хотя бы и мнимой, нежели рисковать забвением, усиливая неопределенность.

А что же с найденными Дюбуа в Ваджаке черепами? В 1914 году яванского человека затмил талгайский череп, найденный в Австралии за несколько лет до этого. *Pithecanthropus erectus* становилась признанной переходной формой, хотя и со многими оговорками. Дюбуа почувствовал, что он может снова оказаться в центре внимания с черепами из Ваджака, о которых он сообщил в 1920 году. Со времени их обнаружения тридцатью годами раньше он нигде не говорил о них ни слова, и большую часть времени они оставались спрятанными в подполе его собственного дома. Похоже, у каждого естествоиспытателя в чулане можно найти пару скелетов! Ваджакские черепа были вполне человеческими, но, будучи обнаружены в

геологических слоях, подобных слою в Триниле, являли собой доказательство противоположного претензиям Дюбуа на то, что яванский человек — ископаемое недостающее звено. Иными словами, поскольку, согласно геологической летописи, истинный человек жил в то же самое время, то яванский никак не мог быть более ранней переходной формой от обезьяны к человеку.

Когда Дюбуа перевалило за семьдесят, в Сангиране на острове Ява Ральфом фон Кёнигсвальдом была открыта дюжина прекрасных образцов, очень похожих на первоначального яванского человека Дюбуа, но в них отсутствовали кости конечностей. К тому времени Дюбуа был полностью одержим этой проблемой в целом и в 1935 году опубликовал свое заявление о том, что открытый им свод черепа в действительности является сводом черепа очень крупной обезьяны, по внешнему виду напоминающей гиббона. Эта было попыткой сместить его претензию еще ближе к средней точке между обезьяной и человеком, поскольку находка истинной обезьяны либо истинного человека имела меньшее значение в сравнении с открытием переходной формы, столь долго ожидавшейся как подтверждение дарвиновской теории.

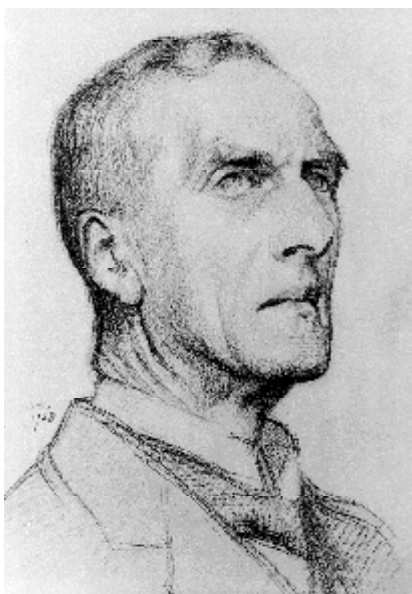
Дюбуа умер в 1940 году, избежав таким образом окончательного позора, каким стало бы для него изменение классификации любимого им Питекантропуса Эректуса, которому в 1950 году присвоили название *Homo erectus* (Мэйр — Маут, 1950). Несмотря на связанную с ним сомнительную историю, он в настоящее время считается гоминидом, или переходной формой. Однако при работе с окаменелостями невозможны эксперименты по размножению; таким образом, определение точки разделения между одним видом и следующим среди якобы переходных форм весьма субъективно. Между специалистами согласие не достигнуто. “Разделители” считают *Homo erectus* отдельным видом, в то время как “объединители” принимают его как крайний вариант человека. Проблема остается неразрешенной до настоящего времени. Но в любом случае не следует забывать: все это основывается на *допущении*, что “обезьяноподобный” свод черепа и похожая на человеческую бедренная кость принадлежат одной и той же особи. В этом отношении еще у ученых времен Дюбуа были большие сомнения, но лишь несколько десятилетий назад профессор Томпсон в введении к переизданию в 1958 году “Происхождения видов” Дарвина весьма прямолинейно выразил удивление, что несмотря на все известное о Яванском человеке, в учебнике 1943 года указывался диагноз *Pithecanthropus*, поставленный Дюбуа (Томпсон — Thompson, 1958, XXI)¹⁶. Действительно, достойно удивления, что этот образец до сей поры включают в учебники как достоверное свидетельство о предках человека.

Пилтдаунский человек

Пилтдаунский человек был дьявольски гениальной мистификацией. С момента ее разоблачения в 1953 году этому мошенничеству посвящен ряд книг, возможно потому, что оно — тема для превосходного детектива. До настоящего времени никто не знает наверняка, кто был злоумышленником. Расследование неизбежно ограничивалось второстепенными источниками, поскольку как раз примерно в то время, когда оно начиналось, последние из главных действующих лиц этой истории “сошли со сцены”: сэр Артур Кейт и Тейяр де Шарден умерли в 1955 году.

Пилтдаунское открытие было сделано в самое благоприятное время. Пропагандист Дарвина в Англии Гексли последовал за своим наставником в могилу. По всей Европе были найдены ископаемые люди, хотя и не являвшиеся недостающим звеном, за которое некий голландец принял сомнительные находки на острове Ява. В этой важной области открытий доисторических свидетельств Англия оставалась в стороне, и, хуже того, положение Дарвина как крупного английского ученого еще требовалось подтвердить, доказав правильность его теории. На карту была поставлена честь нации. Однако судьба позаботилась о том, чтобы нашелся человек, готовый заменить Гексли в роли проповедника и популяризатора эволюции и в особенности — эволюции человека.

Родившийся в 1866 году Артур Кейт был очень способным врачом и анатомом. Его карьера ознаменовалась рядом безоговорочных успехов, которые стали предметом зависти любого, кто при-

Артур Кейт (1866—1955). Обладая безупречной научной репутацией и почетными званиями, он, тем не менее оказался обманутым собственными предположениями. Положение в научных кругах не дает гарантий от ошибок. (Рисунок У. Ротенстэйна, 1928 г.; Национальная портретная галерея, Лондон.)

надлежал к академическим кругам в Англии: доктор медицины, действительный член Королевской коллегии хирургов, в разное время совмещавший этот пост с должностями президента Королевского антропологического института, Анатомического общества и престижной Британской ассоциации развития естественных наук. Автор нескольких классических трудов, он был, несомненно, убежденным дарвинистом, преданным идее обнаружения доказательств связи между обезьяной и человеком. Когда Кейт был избран профессором-исследователем анатомии Королевского колледжа хирургов в 1908 году, его объявленной амбициозной целью было “написать антропологическую историю британцев” (Кейт — Keith, 1950, 317).

Останки Пилтдаунского человека были открыты в период с 1908 по 1912 год, всего в нескольких милях от старого дома Дарвина. Части человеческого черепа вместе с большей частью челюсти обезьяны были подкрашены, чтобы выглядели более старыми. Они были помещены в залежь гравия в Пилтдауне, близ Лондона, к которому заинтересовался любитель-охотник за окаменелостями Чарльз Доусон. Эти останки были представлены Артуру Смиту Вудуорду, хранителю геологического отдела Британского музея естественной истории и личному другу Доусона (Ридер — Reader, 1981)¹⁷.

Вудуорд был палеонтологом-дарвинистом, ведущим в мире специалистом в области окаменевших рыб: он написал больше шестисот статей на эту тему. Анатом Артур Кейт был приглашен для проведения исследования. Вскоре к ним присоединился Графтон Эллиот Смит, известный специалист по изучению мозга. Коллективная репутация этой группы ученых была не только впечатляющей, но и безупречной.

Значимость исследуемых окаменелостей оценивалась не столько найденными объектами, сколько недостающими! Нижняя челюсть была слишком крупной для нормального человеческого черепа, но знаменательно, что верхняя и часть нижней челюсти и лица отсутствовали, в том числе и нижние клыки, имеющие важное значение. В числе недостающих были также сопрягаемые части челюстного шарнира, поэтому было невозможно ни подтвердить, ни отвергнуть их дополняющий характер. Кроме того, череп был разделен на несколько частей, причем промежуточные отсутствовали. Так что объем мозга можно было соотнести с любой предвзятой версией. В результате первой реконструкции палеонтолог Вудуорд определил объем в 1070 кубических сантиметров — величина, точно соответствующая средней между обезьяной и человеком, тогда как итог реконструкции, проведенной анатомом Кейтом, составил 1500 кубических сантиметров, что явилось откровенной подгонкой под огромную нижнюю челюсть и несколько превышало объем черепа современного

человека. Об этой подгонке говорил сам Кейт. Когда, казалось бы, это расхождение должно было привести к раздору, отец Тейяр де Шарден из местной семинарии иезуитов обнаружил на том же участке один из отсутствовавших клыков. Это и помогло уладить споры. Сделали новую реконструкцию, давшую объем в 1200 кубических сантиметров, что, вероятно, отвечало представлениям каждого из оппонентов.

Когда в 1912 году в Геологическом обществе официально объявили о Пилтдаунском человеке, сообщение было принято прессой как сенсационное недостающее звено. Однако не все ученые разделяли восторг. Нашлись и те, кто утверждал, что нижняя челюсть и части черепа не принадлежали одной и той же особи, и то, что они найдены вместе, — не более чем простая случайность. Тем не менее именно это свидетельство было так остро необходимо последователям Дарвина, и возражения на этот счет либо вообще не публиковались, либо мало предавались гласности. Останки заперли в сейф для хранения, а по крупным музеям циркулировали гипсовые копии. Знакомая в наши дни бело-коричневая гипсовая реконструкция заняла видное место в Британском музее естественной истории. В течение следующих сорока одного года гипсовое изваяние скалило зубы из своей похожей на алтарь витрины тысячам посетителей, проходивших мимо своего предполагаемого предка. Любые возражения против обезьяньего происхождения человека успешно замалчивались. Целое поколение людей выросло с Пилтдаунским человеком в своих учебниках и домашних энциклопедиях. И кто посмел бы, находясь в здравом уме, усомниться в безукоризненной правдивости Британской энциклопедии?

Главных авторов открытия тут же увековечили на холсте. Огромная картина Джона Кука из Королевской академии, проданная вскоре после сенсации, висит в наши дни над главной лестницей здания Геологического общества в Лондоне. Любитель-охотник за окаменелостями Чарльз Доусон прославился, когда пилтдаунские останки получили формальное научное признание, будучи классифицированы как *Eoanthropus dawsoni* (ранний человек Доусона). Доусон умер в 1916 году, а спустя некоторое время в знак признания заслуг и трудов на благо короля и страны Кейт получил рыцарский титул в 1921 году, Вудурд в 1924 и Графтон Эллиот Смит пятью годами позднее.

В 1953 году Джозеф Уэйнер и Кеннет Оукли провели исследование оригинального пилтдаунского материала незадолго до этого разработанным методом анализа на хлор и обнаружили, что кости в действительности относительно недавние (Weiner et al., 1953). Подозреваемый обман был, наконец, раскрыт, что явилось своего

Пьер Тейяр де Шарден (1881—1955). Фотография 1911 года, сделана в Гастингсе. Тридцатилетний иезуит в день окончания семинарии. Этот орден, высланный из Франции несколькими годами раньше, обосновался в непосредственной близости к Пилтдауну. (Архив фонда Тейяра де Шардена, Париж.)

рода национальным скандалом, и встал вопрос о честности попечителей Британского музея. В конечном счете все свели только лишь к неприятному моменту в истории развития науки. Но кто же все-таки был мистификатором? Как и в отношении авторства шекспировских пьес, это может навсегда остаться предметом дискуссий, но сегодня подозрение падает на одного из двух людей. Оба жили близ пилтдаунского участка, каждый мог приобрести окаменелости, в частности, челюсть, поскольку на Британских островах обезьяны не водились, и, что еще более важно, оба обладали специальными знаниями в анатомии. Один из подозреваемых — иезуит отец Пьер Тейяр де Шарден (Гоулд — Gould, 1979)¹⁸, а другой, как это ни неожиданно, — Артур Конан Дойл (Уинслоу и Мэйер — Winslow and Meyer, 1983).

Пилтдаунская афера поднимает много этических вопросов и ясно показывает, что систему веры целого поколения можно перевернуть усилиями горстки интеллектуалов, обманутых собственными предвзятыми представлениями, каковые их полностью ослепили. Когда обман раскрылся, У. ле Грос Кларк, одно из главных лиц в Британском музее, заметил по поводу следов напильника на зубах: “Факт искусственного истирания сразу бросается в глаза. Поскольку это совершенно очевидно, позволительно спросить: как это могло остаться незамеченным ранее?” (Миллар — Millar, 1974, 204). Но в 1916 году возможность изучить оригинальный пилтдаунский материал предоставили анатому-дантисту. Он определил, что зубы подпилены, и тотчас же сообщил об этом, однако высшие авторитеты, то есть Кейт и Вудурд, решили проигнорировать эту подробность (Лайн — Lyne, 1916).

Говоря о любой из наук, в особенности об антропологии, мы вправе задать вопрос: если люди калибра сэра Артура Кейта, сэра Артура Смита Вудурда и сэра Графтона Эллиота Смита могли оказаться обманутыми своими собственными представлениями, то как мы можем быть уверены, что представители современной науки не обманываются, и не обязательно из-за сознательной мистификации, а просто под влиянием своих собственных ожиданий? В конце концов таких же предвзятостей предостаточно в головах разных деятелей, подобных Лики или Йохансону, занимающихся охотой за окаменелостями в наши дни.

Родезийский человек

Эта находка, которую иногда называют “брокенхиллский человек”, всегда была загадкой для антропологического сообщества и часто даже не упоминается в учебниках и популярных изданиях. Она не претендует на то, чтобы считаться недостающим звеном, но краткое упоминание о нем на этих страницах иллюстрирует еще один случай предвзятости.

Этот череп, случайно обнаруженный в 1921 году шахтерами цинкового рудника в Брокен-хилле (Замбия, ранее Британская Северная Родезия), выглядел очень древним и был почти целым, с массивными надбровными дугами и срезанным лбом. Этот череп и ряд других костей трех или четырех особей нашли в пещере в конце тупикового прохода, но шахтеры не имели понятия о важности тщательного документирования точного места захоронения. Поэтому, когда Британский музей в конечном итоге получил эти останки, к сожалению, не было никакой возможности узнать, случайное это захоронение либо ритуальное. Холм, в котором был этот проход, и сама пещера быстро исчезли под лопатами рудокопов. Определили, что объем черепа составляет от 1280 до 1325 кубических сантиметров, что несколько меньше, чем у современного среднего человека, а судя по областям прикрепления мышц, этот индивид был очень крепкого сложения.

Череп *Homo rhodensis*'а с отверстием, диаметр которого примерно равен диаметру карандаша, в левой височной кости, около уха. (Автор)

Когда Артур Смит Вудурд, участник пилтдаунского “дела”, начал работу по реконструкции окаменевших костей в Британском музее, его предвзятость в отношении недостающего звена состояла в том, что, по его мнению, этот выглядевший очень старым череп принадлежал созданию, которое ходило ссутулившись, подобно обезьяне. У. Дж. Пайкрафт осуществил реконструкцию в натуральную величину. Тазовый пояс, найденный в виде фрагментов, он собрал, исходя из этой предвзятости, и получил то, что было названо *Cyphanthropus*, или “человек сутулый”. Ни Вудурд, ни Пайкрафт не были анатомами, но, к счастью, компетентный анатом заметил ошибку, допущенную при реконструкции. После выпрямления осанки *Cyphanthropus* был признан истинным человеком и переименован в *Homo rhodesiensis* (Британский музей — British Museum, 1928)¹⁹.

Для *Homo rhodesiensis*'а характерны две особенности. Во-первых, хотя кость сильно минерализована и поэтому, видимо, очень стара, данный индивидуум страдал болезнью Риггса и кариесом, что нарушает состояние десен и зубов и считается свойственным цивилизованному, а не древнему человеку (Брэйс и др. — Brace et al., 1979, 88). Во-вторых, имеются два отверстия с обеих сторон черепа. Отверстие в левой височной кости круглое и слегка расширено к внутренней стороне. Отверстие с противоположной стороны черепа диаметром в три или четыре дюйма, с рваной кромкой, характерной для баллистического удара. По мнению профессора Майера из Берлина, они выглядят в точности, как входное и выходное отверстия от современной пули (Уэндт — Wendt, 1972, 155). Это не значит, что древний человек располагал огнестрельным оружием, но выстрел из арбалета с близкого расстояния мог бы вызвать точно такой же результат. А если это так, то идея о человеке, владевшем арбалетом больше ста тысяч лет назад, — согласно оценке Клэйном (Klein, 1973) возраста *Homo rhodesiensis*'а²⁰, — не соответствует сегодняшнему представлению о человеке, только что вышедшем из животного состояния в тот момент нашей эволюционной истории. Одна из научных школ предполагает, что малое отверстие было результатом вторичной инфекции от гниения зуба, тогда как другая указывает, что признаков болезни нет, и высказывает предположение, что отверстие вызвано доброкачественной опухолью (холестеатомой), имевшейся у данного индивида в детстве (Прайс и Моллесон — Price and Molleson, 1974). Никто, по-видимому, не комментировал более крупное отверстие с противоположной стороны черепа. При показе черепа в учебниках чаще всего фигурирует левая височная сторона, как наиболее полная, но маленькое отверстие, которое достаточно заметно, не упоминается. Так показан череп и в книге Пилбима, где помещены две цветные фотографии и нет ника-

ких комментариев по поводу вызывающего спор отверстия (Пилбим — Pilbeam, 1970a, 184). Еще хуже обстоит дело с популярной работой отца Тейяра де Шардена “Появление человека”. В этой книге он дает описание родезийского человека на целую страницу и приводит два рисунка, занимающих полстраницы. Здесь не только не упоминается об отверстии, но оно вообще не показано на рисунке! (Teilhard de Chardin, 1965, 114.) Мы уже знакомы с этим добрым священником по предыдущим главам и еще встретимся с ним на страницах этой книги. Но похоже, при тщательном рассмотрении, его научная честность не совсем соответствует ожидаемым стандартам.

Человек из Небраски

Большинство современных читателей уже забыли про это несчастное недостающее звено. Мы включили его в книгу как напоминание о заблуждении, в которое могут ввести общественное мнение высокопоставленные люди с предвзятыми идеями. Обман был не совсем преднамеренным, однако являет пример “притянутой за уши” интерпретации фактов. Причем, обратите внимание, как вовремя о нем было сообщено.

В 1922 году в плиоценовых отложениях штата Небраска (США) был найден коренной зуб. Профессор Генри Фэрфилд Осборн, руководитель Американского музея естественной истории, описывает его как принадлежащий к раннему типу *Rithecantropoid*, который он назвал *Hesperopithecus harold cooki* в честь Харольда Кука, геолога, сделавшего находку (Osborn, 1918)²¹. В это самое время Графтон Эллиот Смит, причастный к шумевшей за несколько лет до этого афере с пилтаунским человеком, убедил престижный журнал “Иллюстрэйтед Ландон Ньюз” опубликовать воображаемых художником самца гесперопитека и спутницы его жизни. Единственным свидетельством был тот самый зуб, и художнику предложили нарисовать нечто среднее между обезьяной и человеком. Журнал распространялся по всему миру, и Небрасский человек был провозглашен еще одним недостающим звеном. Картинка была опубликована на развороте журнала от 24 июня 1922 г. (Смит — Smith, 1922).

В июне 1925 года в Дэйтоне (штат Теннесси, США) состоялся знаменитый судебный процесс, на котором Джон Томас Скоупс обвинялся в преподавании эволюции в государственной школе, что нарушало действовавший в то время закон (Scores, 1967). Дело было возбуждено по инициативе Американского союза гражданских свобод. Хотя истец его и проиграл, фактически он вышел из схватки победителем. Процесс хорошо разрекламировал проблему

Hesperopithecus harold cooki: обезьяночеловек западного мира, запомнившийся публике по развороту популярного журнала “Иллэстрэйтед Ландон Ньюз” от 24 июня 1922 года.

эволюции. Были предприняты попытки поддержать эту рекламу в высшей кассационной инстанции. В конечном итоге в 1965 году закон, запрещающий преподавание эволюционной теории в штате Теннесси, был отменен. В наши дни ситуация резко изменилась в пользу преподавания эволюционной теории, исключая любые другие взгляды (Дэйвидхэйзер — Davidheiser, 1971)²². За время этого судебного процесса образ Небрасского человека прочно осел в умах американцев, поскольку именно он стал единственным претендентом на то, чтобы объяснять происхождение человека в Америке. В 1928 году, вскоре после суда, было установлено, что зуб принадлежал не раннему человеку, а пекари — свинье, предположительно вымершей в конце плейстоценовой эпохи! Эта неприятность напомнила о себе в 1972 году в связи с открытием в Хако (Парагвай) живых стад того же вида пекари (Ветцель и др. — Wetzel et al., 1975)²³.

Разумеется, у ученых есть право на ошибку, но когда ошибка обнаружена, интерес к какому-либо открытию пропадает. Гесперопитек совершенно исчез со страниц учебников и энциклопедий. В четырнадцатом издании Британской энциклопедии (1929, 14:767) приведено объяснение, что гесперопитек “оказался существом другого отряда”. Вероятно, сказать в то время полную правду было бы для некоторых равноценно потере доверия. По этой причине Графтон Эллиот Смит получил дворянство только в 1935 году — при-

мерно на десять лет позднее обоих Артуров и всего за два года до собственной смерти.

Здесь были описаны только самые ранние недостающие звенья и окаменевшие останки, и сделано это по трем причинам. Во-первых, необходимо было установить, какие именно из знаменитых экземпляров обезьяночеловека рассматривались как недостающие звенья, или переходные формы, а какие нет. Во-вторых, важно напомнить о погрешностях науки и поставить вопрос о том, как случилось, что были обмануты разумные люди, имевшие специальную подготовку, и как они в свою очередь обманули других. Это ведет к очевидному третьему вопросу: возможно ли, чтобы наука становилась жертвой обмана или сама вводила общественность в заблуждение? Надеемся, что помнящие свою историю не будут ее повторять. А зная о таких примерах, как Пилтдаун, современные ученые проявят большую осторожность. С тех пор методы физико-химического исследования настолько продвинулись вперед, что все подобные мистификации уже не могут оставаться незамеченными. Однако из-за некорректной трактовки данных заблуждения все еще возможны. К счастью, время реконструкций черепов на основании таких скудных сведений, как, например, единственный зуб, стало достоянием истории. В напоминание об этом в следующей главе приводится еще один пример.